

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Международно-правовое регулирование права на жизнь в вооружённых конфликтах

*Русинова В.Н.**

В статье подвергается сомнению существование коллизии между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека в области защиты права на жизнь и обосновывается вывод о том, что буквальное и систематическое толкование международных договоров и последующая практика их применения позволяют объединить критерии оценки правомерности лишения жизни в вооружённом конфликте в один тест, учитывающий положения обеих отраслей международного права. Применение такого комплексного теста, поднимающего планку требований, предъявляемых к применению силы, по сравнению с нормами международного гуманитарного права, знаменует новый виток в развитии международного права, применимого к вооружённым конфликтам.

Ключевые слова: право на жизнь; вооружённые конфликты; международное гуманитарное право; международное право прав человека; правовая коллизия.

С течением времени доктринальный подход к соотношению международного права прав человека и международного гуманитарного права претерпел существенные изменения. Несмотря на то, что из текстов международных договоров по правам человека прямо следовало,

* Русинова Вера Николаевна – к.ю.н., LL.M. (Гёттинген), заместитель заведующего кафедрой международного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». vrusinova@hse.ru. Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № 12-01-0212.

что они применимы в вооружённых конфликтах, роль международного права прав человека в регулировании отношений, возникающих в этих специфических ситуациях, долгое время нивелировались господствовавшей концепцией признания международного гуманитарного права в качестве *lex specialis*. Постепенно на смену этой концепции пришла другая. В научной и учебной литературе, а также в практике международных органов для описания взаимоотношений этих отраслей стали использоваться такие понятия как «комплементарность», «интеграция» и «конвергенция»¹. При этом подчёркивалось, что признание взаимодополняемости международного гуманитарного права и международного права прав человека отнюдь не гарантирует, что нормы этих отраслей являются абсолютно совместимыми.

В качестве хрестоматийного примера, иллюстрирующего противоречие между отдельными нормами, как правило, используется право на жизнь, а точнее, определение правомерности лишения жизни в ходе вооружённого конфликта. Разрешать эту коллизию предлагается на основании принципа *lex specialis derogat lege generali*. Специальными – вслед за Международным судом ООН – объявляются нормы международного гуманитарного права² или же предлагается определять, какие нормы будут специальными, а какие общими, в зависимости от особенностей конкретной ситуации³. Вместе с тем, сами тесты международных договоров и практика их применения международными судебными и квазисудебными органами позволяют усомниться в справедливости тезиса о существовании этой коллизии.

¹ См.: Human Rights Committee (HRC), General Comment No. 31, Para. 11; Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М., 2011. С. 56-58; Droege C. Elective affinities? Human Rights and Humanitarian Law // IRRC. 2008. Vol. 90. № 871. P. 521-522; Alston Ph., Morgan-Foster J., Abresch W. The Competence of the UN Human Rights Council and its Special Procedures in Relation to Armed Conflicts: Extrajudicial Executions in the “War on Terror” // EJIL. 2008. Vol. 19. № 1. P. 191-196; Heintze H.-J. On the Relationship Between Human Rights Law Protection and International Humanitarian Law // IRRC. 2004. Vol. 86. № 856. P. 793.

² International Court of Justice (ICJ), Advisory Opinion on Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Para. 25; Advisory Opinion on Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Para. 106.

³ Sassoli M., Olson L. The Relationship Between International Humanitarian and Human Rights Law Where It Matters: Admissible Killing and Internment of Fighters in Non-International Armed Conflicts // IRRC. 2008. Vol. 90. № 871. P. 614.

I. Международное гуманитарное право и международное право прав человека: пределы совместимости

1. Критерии правомерности лишения жизни: два подхода

Критерии правомерности лишения жизни в соответствии с международным гуманитарным правом до сих пор относятся к числу дискуссионных вопросов. Если взять за основу позицию Международного комитета Красного Креста⁴, то общее правило можно сформулировать следующим образом. Лишение жизни комбатанта, члена организованной вооружённой группы или лица, принимающего непосредственное участие в военных действиях, во время совершения этих действий, если эти лица не являются *hors de combat* и применение силы не приведёт или не приводит к потерям среди гражданского населения и разрушению гражданских объектов, которые были бы чрезмерны по отношению к получаемому военному преимуществу, и если при этом не используются запрещённые средства и методы ведения войны, является правомерным.

Международные договоры по правам человека устанавливают общий запрет «произвольного»⁵ или «умышленного»⁶ лишения жизни. В связи с тем, что Международный пакт о гражданских и политических правах, Американская конвенция по правам человека, Африканская хартия прав человека и народов не допускают отступлений от соблюдения права на жизнь, а правом отступить от ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод государство может не воспользоваться (и на практике до сих пор ни разу не воспользовалось), к оценке правомерности лишения жизни в ситуации вооружённого конфликта будут применимы общие критерии, на основании которых определяется правомерность лишения жизни в результате применения силы. Различные международные судебные и квазисудебные органы, занимающиеся защитой прав человека, используют в своей практике один и тот же общий тест, состоящий из четырёх основных элементов или критериев⁷. Во-первых, применение силы должно осуществляться в соот-

⁴ Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. ICRC, 2009.

⁵ Пункт 1 ст. 6 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МППП), п. 1 ст. 4 Американской конвенции по правам человека, ст. 1 Африканской хартии по правам человека и народов.

⁶ Статья 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁷ HRC, Suarez de Guerrero v. Colombia, Paras. 13.1-13.3; ECHR, McCann and Others, Paras. 147-150, 192-194, 200, 211, 212; Andronicou and Constantinou v. Cyprus, Paras. 171,

ветствии с надлежащей правовой базой. Во-вторых, применение силы должно быть «строго пропорционально» таким целям, как защита жизни других лиц, осуществление ареста, предупреждение побега или подавление бунта или мятежа. В-третьих, лишение жизни должно быть «абсолютно необходимо», т.е. должно являться крайним средством. В-четвёртых, должны предприниматься меры предупреждения, включающие в себя как надлежащее планирование применения силы, которое должно учитывать все указанные выше критерии, так и необходимость делать предупреждение о применении оружия. Очевидно, что если попытаться применить этот строгий тест в ситуации вооружённого конфликта, то правомерными будут признаны лишь немногие из случаев применения силы, которые, между тем, вполне соответствуют международному гуманитарному праву.

Кроме того, международное гуманитарное право, применимое в международных вооружённых конфликтах, прямо предусматривает право комбатантов «принимать непосредственное участие в военных действиях»⁸. Как может эта управомочивающая норма, закрепляющая право применять силу и выводить комбатантов противника из строя, сочетаться с требованиями международного права прав человека об абсолютной необходимости и строгой пропорциональности применения летального оружия? На основании этого делается вывод, что подходы, используемые в международном гуманитарном праве и международном праве прав человека для определения правомерности лишения жизни, несовместимы: применяться может только один из них.

2. Возможность интеграции двух подходов

В правильности вывода о существовании коллизии между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека заставляют усомниться сразу несколько причин. Во-первых, международные договоры по правам человека принимались теми же государствами, которые участвовали в договорах по международному гуманитарному праву, а значит, было бы, как минимум, не совсем логично, если бы государства соглашались с текстом норм, которые находятся в прямом противоречии с принятыми ранее. Во-вторых, нормы международного права должны толковаться в свете принципа

172; IACommHR, *Armando Alejandre and Others v. Cuba*, Paras. 42, 45; IACtHR, *Neira Alegria et al. v. Peru*, Paras. 69, 72.

⁸ Пункт 2 ст. 43 Первого Дополнительного протокола.

системной интеграции⁹, что означает необходимость из всех возможных вариантов интерпретации отдавать предпочтение такому, который позволяет избежать противоречия¹⁰. Наконец, в-третьих, деление норм международного права на отрасли достаточно схоластично. В случае с международным правом прав человека и международным гуманитарным правом это особенно заметно в двух Дополнительных протоколах 1977 г., которые посвящены защите жертв вооружённых конфликтов, а также в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребёнка, касающемся участия детей в вооружённых конфликтах. Кроме того, до сих пор не прекращаются споры о названиях и точных границах международного гуманитарного права и международного права прав человека. Наконец, формирование международных обычаев происходит вне зависимости от того, где проложены границы между отраслями международного права.

Следовательно, необходимо установить, действительно ли существует коллизия между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека в сфере оценки правомерности лишения жизни в ходе вооружённого конфликта, обратившись как к текстам основных международных договоров, так и к практике их применения.

Вопрос, на который предстоит ответить, заключается в следующем: исключают ли сами тексты договоров по международному гуманитарному праву и международному праву прав человека возможность совместного применения норм этих двух отраслей при анализе правомерности лишения жизни?

Современная формулировка оговорки Мартенса, содержащаяся в п. 2 ст. 1 Первого Дополнительного протокола, гласит: «В случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания». Исходя из того, что под «другими международными соглашениями» можно понимать все договорные нормы международного права, применимые в вооружённых

⁹ Пункт 1, 3 (с) ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров.

¹⁰ Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права под пред. М. Коскениеми. Пар. 37.

конфликтах, следует, что, в принципе, международное гуманитарное право не является автономной или закрытой системой. Возвращаясь к разрешаемому нами вопросу, можно утверждать, что источники международного гуманитарного права не препятствуют применению договоров по правам человека, предоставляющих большую защиту лицам, затронутым вооружённым конфликтом.

Что касается международных договоров по правам человека, то коллизийный потенциал сконцентрирован в очень строгом тесте проверки правомерности лишения жизни. Из текстов Международного пакта о гражданских и политических правах, Американской конвенции по правам человека и Африканской хартии прав человека и народов прямо следует, что зафиксированный в них запрет произвольного лишения жизни применим и в вооружённых конфликтах. Это означает только то, что следуя принципу *ad impossibilia lex non cogit*, планка «произвольности» в вооружённых конфликтах должна снижаться. Однако, до какого предела? Теоретически возможны два варианта ответа на этот вопрос.

Первый заключается в том, чтобы использовать для толкования понятия «произвольности» правила международного гуманитарного права как устанавливающие минимальные стандарты гуманности, действующие в вооружённых конфликтах¹¹. Несмотря на то, что соответствующие международные договоры прямо не указывают на возможность применения этих норм, в силу общего правила толкования международных договоров, наряду с контекстом учитываются «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками»¹². Следовательно, толкование «произвольности» лишения жизни в случае осуществления военных действий может в итоге осуществляться на основе норм международного гуманитарного права. Такое толкование, по сути, означало бы, что общая система норм международного права, применимых к защите права на жизнь в вооружённых конфликтах, осталась неизменной после вступления в силу международных договоров по правам человека.

Второй вариант ответа на вопрос состоит в том, чтобы распространение норм по правам человека на вооружённые конфликты растолковать как основание, усиливающее защиту права на жизнь,

¹¹ ICJ, Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Judgment, Para. 218.

¹² Пункты 1 и 3(с) ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров.

предоставлявшуюся ранее исключительно международным гуманитарным правом, т.е. ужесточить требования к правомерности применения силы. При этом запрещающие нормы международного гуманитарного права могут служить минимальным стандартом защиты права на жизнь в вооружённом конфликте.

Исходя из того, что тексты международных договоров допускают и первый, и второй вариант ответа, важно выяснить, по какому пути пошла практика международных судебных и квазисудебных органов по защите прав человека, потому как их позиция должна приниматься во внимание при толковании договорных норм¹³.

Практика Комитета по правам человека ООН и Европейского суда по правам человека (далее: ЕСПЧ) свидетельствует о том, что правомерность применения силы в отношении сражающихся ставится в зависимость не от наличия или отсутствия вооружённого конфликта, а от особенностей конкретной ситуации: боевые ситуации, сражения, явно отделяются от операций по розыску и задержанию, и наличие вооружённого конфликта в целом не рассматривается в качестве общего оправдания для снижения планки при проверке правомерности лишения жизни¹⁴.

Из решений ЕСПЧ следует, что при оценке правомерности применения силы принимается во внимание не общий контекст, на фоне которого происходит применение силы, а оценивается каждая конкретная ситуация.¹⁵ При этом Суд явно дифференцирует ситуации, отделяя сражения от операций, направленных на защиту лиц от противоправного насилия, розыск или задержание членов вооружённых групп. Об этом свидетельствует то, что, проверяя соблюдение пропорциональности применения силы в отношении таких лиц в случаях, имевших место вне боевых столкновений, Суд ни разу не поставил под сомнение корректность ссылки государств-ответчиков на пп. «а» и «b» п. 2 ст. 2 Конвенции, в то время как в решениях по делам Исаевой и Исаевой и др. ЕСПЧ подверг критике представленную Россией

¹³ Пункт 3 (b) ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров.

¹⁴ HRC, Concluding Observations, Israel: of 21 August 2003, Para. 15 and of 29 July 2010. Para. 10; ECHR, *Isayeva v. Russia*. Para. 180; *Isayeva and Oth*. Para. 178; *Esmukhambetov and Others*. Paras. 76, 141. См. также: Expert Meeting on the Right to Life in Armed Conflicts and Situations of Occupation, organized by the University Centre for International Humanitarian Law, Geneva, 1-2 September 2005. P. 12.

¹⁵ ECHR, *Isayeva*. Para. 180; *Isayeva and Oth.*, 178; *Esmukhambetov and Others*. Paras. 76, 141.

линию аргументации, заключающуюся в оправдании применения силы в Чечне – даже в откровенных боевых ситуациях – необходимостью защитить жизни других лиц или произвести задержание, т.е. пп. «а» и «б» п. 2 ст. 2 Конвенции. В решениях по этим двум делам Суд постарался указать государству на необходимость квалификации ситуации по пп. «с» – именно об этом свидетельствуют его недвусмысленные ссылки на «подавление восстания». Для оценки правомерности применения силы в вооружённом конфликте в случаях боевых столкновений ЕСПЧ также применяет принцип необходимости и пропорциональности, но оценивает при этом соответствие действий правительственных сил другой цели – цели подавления бунта или мятежа. Разграничивая ситуации, ЕСПЧ явно руководствовался не одним, а несколькими критериями, среди которых и уровень оснащённости и подготовки сторон, и их количество, и интенсивность применения силы.

Вместе с тем, принято считать, что в пар. 25 Консультативного заключения по делу о ядерном оружии Международный суд ООН признал, что решение вопроса о правомерности лишения жизни в вооружённом конфликте должно осуществляться только на основе норм международного гуманитарного права, которые являются более специальными по сравнению с нормами международного права прав человека. Насколько обоснован такой вывод? Дело в том, что Международный суд, указав в пар. 25 этого консультативного заключения на применение международного гуманитарного права как *lex specialis*, в следующем предложении сделал вывод о том, что определить, «является ли конкретная смерть, наступившая в результате использования определённого оружия в ходе военных действий, произвольным лишением жизни, противоречащим статье 6 Пакта», можно «только на основании права, применимого в вооружённых конфликтах», и нельзя «вывести из положений самого Пакта». Значит, Международный суд имел в виду, что нормы международного гуманитарного права, являясь более специальными, уточняют требования о запрете произвольного лишения жизни, и не исходил из существования коллизии, которая должна разрешаться путём выбора одной из двух применимых норм. Это позволяет утверждать, что позиция Международного суда не может рассматриваться в качестве непреодолимого препятствия на пути применения более жёстких критериев к оценке правомерности лишения жизни по сравнению с теми, что предусмотрены международным гуманитарным правом.

II. Комплексный тест проверки правомерности лишения жизни в вооружённых конфликтах

1. Юридическая природа нового подхода

Изменения в понимании соотношения международного гуманитарного права и международного права в области прав человека состоят в переходе к использованию комплексного теста для проверки правомерности лишения жизни в вооружённых конфликтах. Применение такого подхода не вступает в противоречие с текстами международных договоров по правам человека – изменился лишь вектор их интерпретации. В принципе, можно найти уже несколько примеров использования этого «интегрированного теста» в практике государств: это решение Верховного суда Израиля по делу о «целенаправленных убийствах»¹⁶ и решение Национальной комиссии Непала по правам человека¹⁷.

Попробуем критично взглянуть на вывод об изменении стандартов оценивания правомерности применения силы в отношении сражающихся. Некоторые учёные утверждают, что подход ЕСПЧ не соответствует нормам международного гуманитарного права¹⁸. Признаем, что в свете действия принципа системной интеграции, в том числе, исходя из умозрительности деления международно-правовых норм на отрасли, сама постановка вопроса является некорректной: международное гуманитарное право не может применяться отдельно, в некоем правовом вакууме, – его нормы являются составной частью общей системы международно-правовых правил, применимых в вооружённых конфликтах. В тех исключительных ситуациях, когда международное право прав человека – по тем или иным правовым основаниям – не будет применимо, будет действовать международное гуманитарное право. Если всё же попытаться теоретически сопоставить критерии, предъявляемые международным гуманитарным правом, с требованиями комплексного теста, то можно прийти к выводу, что по вопросам применения силы положения гуманитарного права были восприняты как минимальные стандарты, дальше которых снижать планку защиты права на жизнь

¹⁶ High Court of Justice of Israel, *The Public Committee against Torture in Israel v. The Government of Israel*. Para. 40.

¹⁷ Цит. по: Poudyal K. P. *The Role of National Human Rights Institutions in Armed Conflict Situations: with Special Reference to NHRC-Nepal*. P. 88-87.

¹⁸ Abresch W. *A Human Rights Law of Internal Armed Conflict: The European Court of Human Rights in Chechnya*. P. 742.

нельзя, соответственно, предъявление более строгих правил не может быть рассмотрено как противоречие нормам международного гуманитарного права. Важно, что ни одно из государств, выступавших ответчиками по делам, рассмотренным ЕСПЧ, не выразило протестов в отношении слишком широкого распространения критериев абсолютной необходимости и строгой пропорциональности.

Значение вывода о применении интегрированного теста можно попытаться нивелировать ссылкой на то, что этот подход использовали международные органы, занимающиеся защитой прав человека, и их юрисдикция ограничена применением конкретных международных договоров. Соответственно, иные правоприменительные органы, как международные, так и национальные, не обязаны оставаться в этих рамках. На это можно возразить, что международные органы по защите прав человека не только могли использовать международное гуманитарное право при толковании положений применяемых ими договоров, а были обязаны это делать в силу природы ряда положений этой отрасли как императивных норм международного права. Как показывает практика международных судебных и квазисудебных органов по правам человека, они действительно использовали нормы международного гуманитарного права, пусть и не всегда эксплицитно. Кроме того, у международных органов по правам человека был выбор: толковать соответствующие договорные положения, оставаясь исключительно в рамках требований международного гуманитарного права, или же идти дальше. В итоге, ЕСПЧ и Комитет по правам человека ООН пошли по пути усиления защиты права на жизнь в вооружённых конфликтах.

2. Возможность применения в международных конфликтах

Возможность применения интегрированного теста для проверки правомерности лишения жизни в вооружённых конфликтах международного характера вызывает массу возражений. В первую очередь, указывается на то, что в отличие от недостаточно разработанных договорных норм международного гуманитарного права, действующих в немеждународных конфликтах, в международных конфликтах применимо правило, упрямочивающее комбатантов выводить друг друга из строя, и оно несовместимо с требованиями об абсолютной необходимости и пропорциональности лишения жизни. Вместе с тем, оценивая два этих правила, нельзя сделать вывод о том, что одно прямо

разрешает то, что прямо запрещает другое. Само международное гуманитарное право существенно ограничивает право комбатантов применять силу, устанавливая запрещённые средства и методы ведения войны, то есть это право не является абсолютным. В свою очередь, как это уже было установлено, международное право в области прав человека не устанавливает один и тот же стандарт правомерности лишения жизни для различных ситуаций: применение принципов абсолютной необходимости и пропорциональности в привязке к различным целям даёт различные результаты. Почему право комбатантов применять силу в отношении комбатантов противника не может подпадать ещё под одно ограничение, вводимое другими источниками международного права? Из практики международных судебных и квазисудебных органов по правам человека, пусть и разработанной на данный момент только в отношении немеждународных конфликтов, прямо следует, что применение стандартов абсолютной необходимости и пропорциональности к применению силы в вооружённых конфликтах не ведёт к абсолютному запрету на ведение военных действий, а, скорее, ограничивает возможность применения силы в пограничных ситуациях, которые не могут вне разумных сомнений быть квалифицированы в качестве боевых. Отрицание возможности совместного применения и норм международного гуманитарного права и норм международного права в области прав человека в отношении права на жизнь в вооружённых конфликтах международного характера основано на необоснованной абсолютизации как права комбатантов принимать непосредственное участие в военных действиях, так и стандартов абсолютной необходимости и пропорциональности применения силы.

Из всех международных договоров по правам человека только Конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит конструкцию, которую, как правило, трактуют как прямо устанавливающую водораздел между международными и немеждународными конфликтами¹⁹. Ссылка в п. 2 ст. 15 на «правомерные акты войны» как на исключение из общего режима применения конвенции в ситуациях международных конфликтов²⁰, понимается как чёткое указание на необходимость различать типы конфликтов. На основе именно этих посылок

¹⁹ См.: Abresch W. Op. cit. P. 746.

²⁰ Использованное при переводе на русский язык понятие «правомерные военные действия» существенно искажает смысл употреблённых в аутентичных текстах п. 2 ст. 15 конвенции понятий “lawful acts of war” и “d’actes licites de guerre”.

делается вывод о том, что если международное право прав человека и изменило подход к оценке правомерности применения силы в вооружённых конфликтах, то только в отношении немеждународных конфликтов. Между тем, можно привести, как минимум, три аргумента, которые ставят под сомнение справедливость такого умозаключения.

Во-первых, проведение различия между типами конфликтов базируется на презумпции, что в случае вооружённого конфликта международного характера государство обязательно воспользуется возможностью сделать отступление. Вместе с тем, тенденция такова, что не только в немеждународных конфликтах, но и в конфликтах международного характера государства воздерживаются от того, чтобы делать подобное официальное заявление и отступать от соблюдения права на жизнь. Применить ст. 15 Конвенции по своей инициативе ЕСПЧ не может²¹, следовательно, в отсутствие заявления об отступлении суд должен будет оценивать применение силы на соответствие положениям ст. 2 Конвенции «в общем режиме», что предполагает применение принципов необходимости и пропорциональности применения силы той или иной легитимной цели, указанной в пп. «а»-«с» п. 2 этой статьи.

Во-вторых, даже если государство-участник и сделает отступление, сославшись на п. 2 ст. 15 Конвенции, это отступление должно будет отвечать критериям необходимости и пропорциональности, потому как в соответствии с п. 1 этой статьи государство-участник может принимать меры в отступление от обязательств по Конвенции “только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств”. Из практики Суда и Комиссии следует, что, несмотря на признание за государствами «свободы усмотрения» (*margin of appreciation*) в этом вопросе, контрольные органы постоянно подчёркивают своё право осуществлять проверку того, действительно ли имеет место подобная ситуация и насколько оправданы предпринятые государством меры²².

Наконец, в-третьих, в п. 2 ст. 15 Конвенции нет чёткого указания на необходимость применять *renvoi* к международному гуманитарному праву. Значит, ответ на вопрос, что считать «правомерными» актами войны, может формулироваться и на основе использования других международно-правовых норм. Напомним, что тесты других международных

²¹ См.: ECommHR, *Cyprus v. Turkey*, Para. 524.

²² Svensson-McCarthy A.-L. *The International Law of Human Rights and States of Exception: With Special reference to the Travaux Préparatoires and Case-Law of the International Monitoring Organs*. P. 313-319.

договоров по правам человека не содержат препятствий для распространения применения к оценке правомерности применения силы в вооружённых конфликтах одинаковых критериев, вне зависимости от вида вооружённого конфликта. Следовательно, нельзя исключать, что с течением времени, когда подход, заключающийся в распространении более жёстких стандартов защиты права на жизнь можно будет рассматривать в качестве обычного международного права, ЕСПЧ не сможет останавливаться на минимальных стандартах международного гуманитарного права, а должен будет применять более строгие требования, вытекающие из международного права в области прав человека.

Рассуждая об оправданности проведения различия в роли международного права в области прав человека в регулировании вооружённых конфликтов международного и немеждународного характера, необходимо признать, что грань между этими конфликтами была и остаётся достаточно условной. Достаточно вспомнить проблемы квалификации интернационализированных, трансграничных конфликтов и конфликтов, возникающих на фоне оккупации. Эти конфликты не различаются ни по интенсивности, ни по количеству жертв, ни по используемому оружию. Они демонстрируют одни и те же проблемы: асимметричность, «приватизация», игнорирование принципа различия. Отсюда, применение различных подходов при оценке правомерности применения силы в международных и немеждународных конфликтах, по большому счёту, является искусственным. Применение критериев абсолютной необходимости и пропорциональности при оценке правомерности применения силы во всех видах вооружённых конфликтов позволило бы в значительной степени уменьшить то значение, которое играет квалификация ситуации как вооружённого конфликта, а также классификация конфликтов на международные и немеждународные. В этом скрывается серьёзное прикладное значение такого подхода.

Таким образом, исследование текстов международных договоров и международных обычаев позволяет оспорить справедливость дуалистического подхода к оцениванию роли международного права в области прав человека в регулировании права на жизнь в вооружённых конфликтах международного и немеждународного характера. Использование одинакового подхода позволило бы нивелировать большое количество проблем, которые возникают при применении международного гуманитарного права. Вместе с тем, в отсутствие соответствующей практики международных судебных и квазисудебных органов

этот вывод может быть только рекомендацией для правоприменителей и заделом на будущее.

Заключение

Вопрос о правомерности лишения жизни в вооружённом конфликте не должен разрешаться на основе исключительно международного гуманитарного права как *lex specialis*. Применение принципа системной интеграции норм международного права позволяет избежать коллизии между нормами международного гуманитарного права и права прав человека за счёт интеграции норм обеих отраслей в комплексный тест. Этот тест учитывает запрещающие нормы международного гуманитарного права в качестве минимального стандарта, отступление от которого не допускается ни при каких условиях, а также предусматривает применение заимствованных из международного права прав человека критериев абсолютной необходимости и пропорциональности.

По сути, появление комплексного теста для проверки правомерности лишения жизни в вооружённых конфликтах является результатом интерпретации ЕСПЧ и Комитетом по правам человека ООН двух международных договоров: Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах. Применение такого подхода не вступает в противоречие с текстами этих международных договоров – изменился лишь вектор их интерпретации. Несомненно, центральную роль здесь играют решения ЕСПЧ. Отметим, однако, что Межамериканские комиссия и суд по правам человека ещё ни разу не разрешали случай, который мог бы продемонстрировать, что при интерпретации запрета произвольного лишения жизни эти органы действительно не идут дальше требований международного гуманитарного права. Вместе с тем, даже если исходить из того, что межамериканские органы по защите прав человека не будут придерживаться комплексного подхода к соотношению требований Американской конвенции по правам человека и международного гуманитарного права, все государства-участники этой конвенции также ратифицировали Международный пакт о гражданских и политических правах²³. Соответственно, в силу действия принципа

²³ Статус ратификаций Международного пакта о гражданских и политических правах: http://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&lang=en; Американской конвенции по правам человека: <http://www.oas.org/en/iachr/mandate/Basics/conventionrat.asp> (посл. посещ.: 1.08.2012 г.)

добросовестного исполнения обязательств, применяя пакт, государства должны будут учитывать практику Комитета.

Применение этих критериев повышает планку требований, предъявляемых к правомерности применения силы в вооружённом конфликте: помимо того, что действие должно быть пропорционально цели победить противника, оно должно быть ещё и абсолютно необходимо, что предполагает оценку соответствия применяемых средств и методов конкретной угрозе и, соответственно, побуждает выбирать ту линию поведения, при которой будет причинён наименьший ущерб. Возможность применения такого комплексного теста, который поднимает планку требований, предъявляемых к применению силы, по сравнению с нормами международного гуманитарного права, знаменует новый виток в развитии международного права, применимого к вооружённым конфликтам. При этом нельзя утверждать, что право начинает требовать невозможного: шансы на то, что действия по причинению вреда противнику будут признаны легитимными, сохраняются, хотя и в несколько урезанном виде.

Библиографический список

Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М., 2011.

Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права под пред. М. Коскенниemi. A/CN.4/L.682. 13.04.2006, <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G06/610/79/PDF/G0661079.pdf?OpenElement>

Abresch W. A Human Rights Law of Internal Armed Conflict: The European Court of Human Rights in Chechnya // EJIL. 2005. Vol. 16. № 4.

Alston Ph., Morgan-Foster J., Abresch W. The Competence of the UN Human Rights Council and its Special Procedures in Relation to Armed Conflicts: Extrajudicial Executions in the “War on Terror” // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. № 1.

Droege C. Elective Affinities? Human Rights and Humanitarian Law // International Review of the Red Cross. 2008. Vol. 90. № 871.

Droege C. The Interplay between International Humanitarian Law and International Human Rights Law in Situations of Armed Conflict // Israeli Law Review. 2007. Vol. 40. № 2.

Heintze H.-J. On the Relationship between Human Rights Law Protection and International Humanitarian Law // *International Review of the Red Cross*. 2004. Vol. 86. № 856.

Melzer N. *Targeted Killing in International Law*. – Oxford: Oxford University Press. 2008.

Poudyal K. P. *The Role of National Human Rights Institutions in Armed Conflict Situations: With Special Reference to NHRC-Nepal*. The Danish Institute for Human Rights, 2006, http://www.humanrights.dk/files/Importerede%20filer/hr/pdf/kedar_prasad_poudyal_-_role_of_nhri_in_armed_conflict.pdf.pdf.

Sassoli M., Olson L. *The Relationship between International Humanitarian and Human Rights Law Where It Matters: Admissible Killing and Internment of Fighters In Non-International Armed Conflicts* // *IRRC*. 2008. Vol. 90. № 871.

Svensson-McCarthy A.-L. *The International Law of Human Rights and States of Exception: With Special Reference to the Travaux Préparatoires and Case-Law of the International Monitoring Organs*. The Hague, 1998.

Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. ICRC, 2009.

Right to Life in Armed Conflicts under International Law (Summary)

*Vera N. Rusinova**

The author casts doubts on existence of a collision between norms of International Humanitarian Law and International Human Rights Law in sphere of protection of the right to life and draws a conclusion that the wording and systematic interpretation of the international treaties, as well as subsequent practice of its application allow to unify the criteria of assessment of legality of deprivation of life in armed conflicts in one test, which unifies requirements of both branches of International Law. Application of this complex test strengthens the rules, governing use of force in armed conflicts, in comparison to the norms of International Humanitarian Law and indicates a new stage of development of International Law applicable in armed conflicts.

Keywords: right to life; armed conflicts; International Humanitarian Law; International Human Rights Law; legal collision.

* Vera N. Rusinova – Ph.D. in Law, LL.M. (Göttingen), Deputy Head of the Chair for International Law of the National Research University “The Higher School of Economics”.
verarusinova@gmail.com.